

АНКЕТА

На вопросы редколлегии *Топоса* отвечают коллеги-преподаватели из разных вузов и стран. Вопросы объединены в три смысловые группы.

А. Как вы оцениваете статус философии в вашем вузе? Какова ситуация с преподаванием философии (для философов/для гуманитариев/для естественников) в вашем вузе? Какова репутация философии и философов в академической среде вашего университета?

Б. Считаете ли вы, что философское образование необходимо для студентов всех специальностей? Если «да» (или отчасти «да» – например, только для гуманитариев), то что должно представлять собой сегодня философское образование? Имеет ли смысл подготовка специалистов отдельно (исключительно) по философии?

В. В чём, на ваш взгляд, заключается социальная функция философии?

Елена Гапова, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии Western Michigan University (г. Мичиган, США)

А. Я – доцент кафедры социологии в большом государственном университете (Western Michigan University), где обучаются 25 тысяч студентов и аспирантов. Департамент, то есть кафедра, которая занимается в основном аналитической философией, – одна из «выпускающих» кафедр (даёт диплом соответствующей специальности) наравне с антропологией или математикой, но студентов там гораздо меньше. Есть магистратура, но философской докторантуры нет.

Философию «как философию» (например, курс «история западной философии») берут те, кто получает *major* или *minor* в этой области (для них это обязательно), либо те, кто хочет прослушать это в рамках «курса по выбору» – хоть математик, хоть литературовед. Конечно, на уровне отдельных тем философы включены в большинство гуманитарных или социальных курсов. Например, на кафедре религии говорят про Гегеля и читают западных теологов. На кафедре антропологии преподают «Антропологию и марксизм». В моих социологических курсах есть «отсылки» к Гоббсу (я преподаю им Дюркгейма), Маркузе (анализ позднего капитализма), Руссо, Фуко и т. д.

Какой-то особенной репутации у философии или соответствующей кафедры нет: одна из областей знания. Как мне кажется, в американском университете в принципе невозможен такой дискурс, в рамках которого какая-то дисциплина считается «началом начал».

Б. Для студентов всех специальностей необходимы гуманитарные курсы – то, что в Америке называется *core curriculum*. В его рамках можно взять историю западной цивилизации или «литературу исповеди», и философские темы туда включаются. Я думаю, что здесь же могут предлагаться и специальные философские курсы. То есть гуманитарный курс обязателен, но его можно выбрать.

Мне кажется, что стоит посмотреть на американский опыт, где философии (среди образованной части общества) немало, но в «непрямом виде». На западе, где исторически была философская и теологическая традиция, философия непосредственно включается в осмысление общественных проблем. Преподаётся много курсов по биоэтике (в связи с появлением новых медицинских технологий) или по политической философии; экономисты в своих рассуждениях осознанно опираются на положения утилитаризма; кафедры английской литературы – это обычно «рассадушки» деконструкции и «всякой дерриды», хотя занимаются они всё же литературой; историки могут предварять книгу по частной теме рассуждениями о том, из какой концепции истории они исходят. В нашей же части света философия гораздо менее включена в общество и интеллектуальную сферу за пределами самой себя. На постсоветском пространстве сейчас идут бои вокруг проблемы аборта, но я почти не видела выступлений на эту тему подготовленных философов. То есть тех, кто не пользуется фразой «аборт – это убийство», а способен анализировать его в тех концептах, что и, например, принстонский философ Питер Сингер.

Что касается *подготовки специалистов отдельно (исключительно) по философии*, то раз есть такая область, кто-то будет в ней специализироваться (но необязательно это будет иметь место во всех университетах). Вопрос не в том, имеет ли это смысл, а в том, как это может быть оплачено. Если сообщество философов заинтересовано в продвижении своей дисциплины, оно должно предлагать стипендии, какие-то бесплатные интересные программы. Понятно, что сначала надо найти деньги, но этот вопрос приходится решать всем гуманитариям.

Следует понимать, что выпускники отделений философии впоследствии могут быть «кем угодно», и это, опять же, «общегуманитарно». Малая часть остаётся в академии и занимается тем, что связано со специальностью по диплому, а большинство, получив образование, ищут, где его можно применить. В городе, где я живу – это университетский, очень космополитический город, – есть стильный ресторан с «тихоокеанской» едой (слияние японской, корейской и европейской кухни). Его придумал и является шеф-поваром человек, закончивший отделение философии Йельского университета. Очень концептуальный (или «культурологический») ресторан...

В. Это способ осмысления мира; в частности, создание концептов и продвижение аргументации относительно проблем, над

которыми общество думало «всегда» или которыми озаботилось недавно.

Анатолий Изотович Зеленков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета (г. Минск, Беларусь)

К сожалению, в условиях формальной унификации учебных программ и современных технологий преподавания социально-гуманитарных дисциплин статус Белорусского государственного университета (БГУ) как университета классического типа практически мало чем отличается от высших учебных заведений отраслевой либо какой-то иной направленности, что, конечно же, едва ли можно оценить положительно. В БГУ в течение последних 15 лет преподавание цикла философских дисциплин осуществлялось в соответствии с тщательно обоснованной программой, предполагавшей освоение студентами важнейших достижений классической и современной философской культуры. Это, безусловно, способствовало не только серьёзному приобщению студентов БГУ к мировому и отечественному философскому наследию, но и формировало навыки творческого инновационного мышления, без которого немислим сегодня человек как конкурентно способный специалист и подлинно свободная личность. Однако в результате перманентных попыток реформировать и оптимизировать систему преподавания социально-гуманитарных дисциплин без учёта специфики БГУ как подлинно классического университета и без философии, занимающей особое место в системе социально-гуманитарного знания, этот уникальный опыт был вынесен за скобки в угоду формально-унифицирующим подходам в организации современного высшего образования.

Конечно, реальная репутация философии в академическом обществе БГУ как была, так и остаётся достаточно высокой, однако осуществление порой весьма экзотических её объединений с другими дисциплинами социально-гуманитарного блока и директивное создание так называемых интегрированных модулей отнюдь не способствуют сохранению этой репутации.

В условиях глобализирующегося мира и с учётом актуальных задач экономической и социально-политической модернизации, которые стоят перед нашей страной, философия как специфическое формообразование культуры и учебная дисциплина не могут не изменяться, и изменяться достаточно радикальным образом. Конкретные направления и содержательно обоснованные тренды этих изменений предполагают обстоятельный и системно аргументированный разговор. Вряд ли возможно удовлетворительно ответить на эти непростые вопросы в жанре кратких и лапидарных соображений. Однако один тезис хотелось бы всё-таки озвучить. Очевидно, что в современных условиях выпускник философского отделения должен владеть знаниями и компетенциями в широкой

междисциплинарной сфере социально-гуманитарного знания (социология, культурная антропология, социальная экология, конфликтология и др.) Только в этом случае он будет реально востребован на современном рынке труда и сможет обоснованно претендовать на статус социального аналитика, профессионально подготовленного для участия в проведении этических и гуманитарных экспертиз научных, промышленных, экологических, технологических и иных проектов. Однако основополагающим базисом его профессиональной подготовки, несомненно, должно быть качественное образование в сфере истории философии, а также теоретической и практической философии, которая всегда и обоснованно рассматривалась как категориально-методологический каркас социальных и гуманитарных наук. Именно фундаментальное философское образование открывает перед выпускниками философских отделений и факультетов перспективы не только успешной академической карьеры, но и возможности органично интегрироваться в наиболее востребованные профессиональные кластеры информационного общества.

Исходя из сказанного, можно интегрированно представить и основные *социальные функции философии*, которые наиболее востребованы в современном обществе. *Во-первых*, это анализ и обоснование наиболее перспективных стратегий ценностной революции (революции сознания), необходимость которой признаётся сегодня не только учёными и интеллектуалами, но и политиками, экономистами, представителями самых различных социальных движений и инициатив. Техногенная цивилизация обеспечила современному человеку невиданный доселе уровень и качество жизни, кардинально изменила условия его профессиональной и обыденной жизни. Вместе с тем она породила множество глобальных проблем, приобретающих фатальный характер в современном обществе неумеренного потребления и приоритета гедонистических ценностей. Вне философии, аккумулирующей в себе тысячелетний опыт человеческой мудрости, выйти из этого ценностного тупика современной цивилизации не представляется возможным.

Во-вторых, философия – это ещё и уникальный культурный ресурс, без которого невозможно сформировать и воспитать критически мыслящую и подлинно свободную личность. Личность, для которой идеалы демократии, прав человека, уважения национальных святынь и традиций являются несомненными и органичными. Личность, которая не только духовно свободна, но и социально ответственна, ибо опыт подлинной философии всегда конструктивен и созидателен. Таким образом, необходимо со всей определённостью подчеркнуть, что любые попытки элиминировать философию как уникальную форму духовно-теоретического опыта либо заменить её какими-то иными типами социально-гуманитарного познания и образовательных практик неизбежно приведут к самым тяжёлым и непредсказуемым последствиям. В любом обществе философия составляла духовную квинтэссенцию эпохи, осо-

бенно осязаемо её роль возрастала в периоды великих ценностных и интеллектуальных революций. Наше время всё более очевидно обретает черты именно такого переходного периода. Поэтому проблема состоит не в том, чтобы пытаться найти более продуктивный эквивалент философии, а в том, чтобы придать ей подлинно актуальную форму существования. Такую форму, в которой она будет способна эффективно выполнять свои основные социокультурные функции.

Гинтаутас Мажейкис, доктор философии, профессор, глава отделения социальной и политической теории факультета политологии и дипломатии, Университет Витовта Великого (г. Каунас, Литва)

А. Что такое статус философии? Статус от латинского *status* обозначает или состояние души, или чин, место в иерархии власти, полномочия в системе наук и сети образовательных и общественных институций, право номинировать и, в конце концов, популярность, т. е. способность аккумулировать капитал. Определённое продолжительное состояние души формируется около выдающихся философов, иногда это трансформируется в школы, традиции. Причём это не обязательно связано с каким-либо учреждением, но порой даже вопреки ему. Между двумя войнами в Витаутас Магнус Университете сформировалась школа С. Шалкаускаса – А. Мацейны, которой были свойственны черты философии всеединства Соловьёва в некоторой томистской трансформации. В настоящее время это направление существует скорее только как объект исторического исследования. Другой довоенный и послевоенный философ В. Сеземан, представитель немецкого критического реализма (очень близкого неокантианству и феноменологии), стал вдохновителем феноменологических исследований в университете (в определённое время эту школу в Каунасе представляли/представляют Т. Содейка, А. Мицкунас, Д. Ионкус и др.).

В настоящее время сформировалось довольно яркое направление континентальной социально-критической мысли, которая в первую очередь опирается на наследство диссидентов, а также развивается под влиянием Франкфуртской школы социальной критики и современного французского постструктурализма (Г. Мажейкис, Л. Донскис, Дж.Д. Минигер, Т. Кавалаяускас, Ю. Ионутите и др.). Сотрудничество этих двух направлений: феноменологического и социально-политической теории и критики – обуславливает основные философские исследовательские проекты в университете. Феноменология большей частью развивается на кафедре философии, а социально-политическая критика – на кафедре социальной и политической теории.

Статус в смысле продолжительных исследований и права номинаций осуществляют кафедры и факультеты через бакалаврские, магистерские и докторские студии. В рамках философских кафедр существуют две магистерские программы («Практическая

философия» и «Социальная и политическая критика»), философская докторантура, а также *кластер* практической философии (общая сеть философских исследований в университете). Кроме того, философия, особенно религиозная, томистская, отчасти связанная с идеями Мацейны, существует на теологическом факультете (Б. Улевичюс, Л. Шульцене, А. Будрюнайте и др.). Безусловно, в университете преподаётся философия истории, философия религии и др. и проводятся соответствующие исследования, однако эти направления не создают особенного философского состояния. Популярность философии повышают философские студенческие страницы в социальных сетях, клубы (кино, «агора»), продолжительные публичные международные семинары (напр., радикальной философии при кафедре социальной и политической критики), проектная деятельность, публикации.

Поскольку для институций, например университета, важно аккумулировать человеческий, символический, культурный, финансовый капитал, для этих целей используется всевозможный маркетинг наук. Это намного более изощрённая система, нежели софистика, о вредной роли которой беспокоились Сократ, Платон, Аристотель, средневековые схоласты. В системе образовательного и научного маркетинга отношение спроса и предложения определяет и поведение профессоров, и предрассудки (пред-установки) студентов, и способ понимания философских суждений, которые всё более воспринимаются как увлекательный одноразовый товар. Порядок «использовал – выбросил» определяет философское мышление большинства современных студентов. А преподаватели начинают работать в режиме производства увлекательных философских картинок для супермаркета-университета. Чем более успешно производство философских картинок и чем популярнее их потребление, тем более университет успешен на рынке философии. Витаутас Магнус Университет в этом плане вполне конкурентен.

Что касается *преподавания*, философские бакалаврские студии проходят на основании классических философских моделей, распространённых и опознаваемых во всей Европе. Это сугубо евроцентристское, просветительское, научно-объективистское, историческое изучение больших философских рассказов: от греческой античности до современной классической западной философии. Я лично с большим скептицизмом смотрю на такое преподавание большой легенды о философии и правил размышления. Однако в Литве сложно что-либо менять, поскольку существует рекомендательный (однако «жёсткий») республиканский регламент философских студий для университетов. Этот регламент весьма далёк от каких-либо инновационных компаративистских, восточных или сугубо междисциплинарных, постструктуралистских или нелинейных исследований и соответствующего обучения философии. Болонский процесс и строгий порядок подсчёта еврокредитов ограничивают изучение философии также и по форме. Строгие тематические рамки, определённое количество часов и формы пре-

подавания превращают философию в некоторое стандартизированное обучение, накопывание знаний, навыков и предрассудков в каком-то направлении. Нечто живое происходит только вопреки системе. Поэтому неформальное обучение, клубы, социальные сети, открытые публичные семинары, всевозможные акции являются не менее важными составляющими в обучении философии.

Что касается других гуманитарных и социальных студий: студенты Витаутаса Магнуса в бакалавриате обучаются по системе *Arte liberales*. Это означает, что они имеют право выбирать множество курсов и кредитов по всему университету. Многие студенты других специальностей просто записываются на некоторые курсы по философии вместе с философами.

Отдельно следует говорить о теологических и политических специальностях. На факультете теологии особое внимание уделяется томистской и религиозной философии (множество курсов), а обучающиеся по специальности политических наук изучают несколько курсов по политической философии. Кроме того, читаются всевозможные курсы по философии истории, литературе и философии и т. д. – по выбору.

Репутация: академическая философия более не является особой «мировоззренческой» «наукой»: она вообще скептически относится к идее формирования мировоззрения и к бытию «наукой» в смысле естественных или социальных наук с определёнными правилами верификации, фальсификации, предположения гипотез или их отбрасывания, выявления закономерностей или определения сути всех вещей. Она утратила роль пропаганды, слуги идеологий и политики и более не является «инженерией души». Философия, утратив печать гегемонии, обнаружила своё место и роль как критическая рефлексия человеческого опыта, самосознания, социального и культурного бытия. Она всё более возвращается к поэтике и творчеству нового будущего, выявлению границ познания, представлению оригинальных онтологических картин действительного, нарушению статичности и замкнутости человеческих деятельности и мышления. Такие сущностные изменения позволили философии не только решать свои, сугубо философские, вопросы, но и на равных участвовать во всевозможных социально-гуманитарных проектах, вливаться в другие системы гуманитарного и социального знания. Не только открытость философского мышления другим искусствам и наукам, но и творчество, внутренняя философская поэтичность позволяют быть вместе с другими институциональными и внеуниверситетскими исследованиями и духовными поисками.

Б. Я не думаю, что философия должна претендовать на то, чтобы быть особой «учительницей» методологии, эпистемологии, онтологии, телеологии и тем более мировоззрения. Это всё комплексы и требования исключительности, гегемонии, знаки некритичности, неспособности быть открытым и осознать равнозначность современных социологии, психологии, антропологии, семиотики, лите-

ратуроведения, истории и т. д. Для современных открытых высших учебных учреждений альтернативность выбора общих гуманитарных и социальных знаний более важна, нежели предрассудки об исключительности философского знания. Только в обстановке равноправного сотрудничества, признания равных возможностей, а также гетерогенности социального мира, дружости, философия может приобрести свой дружественный язык сотрудничества и партнёрства, стать творческой и потребной для всевозможных форм знания.

Для меня философское образование в первую очередь должно быть открытым миру: его альтернативности, гетерогенности, диалогичности, энергетическому и коммуникативному обмену между различными социальными группами. Этому могут способствовать всевозможные философские направления: феноменология и постструктурализм, психоаналитическая и постмарксистская философия, современные исследования аналитической философии или прагматизма. Для этого могут использоваться всевозможные философские методы: герменевтика, социально-политическая критика, диалектика, феноменологическое описание, этнометодология и др. Однако я скептически отношусь к попыткам созидания всеобщей философской науки, которую считаю невозможной, и, соответственно, с большей долей иронии отношусь к всевозможным введениям в философию. Я согласен с Кантом, который представил свои *Пролегомены* не как всеобщую философию, а как простое и ясное введение в *Критику чистого разума*. Упрощённый язык введения в философию Жака Деррида или Жиля Делёза, литературное объяснение философии экзистенциализма или чтение философских комментариев к кинофильмам могут быть намного более увлекательными философскими введениями, нежели объяснение якобы существующей системы философии, представляющей абстрактные объяснения того, что такое эстетика, этика, логика.

Думаю, что сугубо философские школы собственного дискурса и собственных методов, истории и самокритики остаются важным человеческим опытом, и поэтому навыки философского мышления должны развиваться специально. Однако я не употреблял бы слово «специалист» в отношении философии, ибо оно предполагает некоторую гегемонию, владение и распоряжение некоторой частью онтологии. В рамках университета может культивироваться комплекс знаний и навыков, специальной школы и характеристик, и я считаю, что такой опыт является важным, но не более, нежели аналогичный опыт постижения истории или математики. Современность предполагает и всевозможные междисциплинарные проекты: философии и коммуникации, философии и политики, философии и антропологии... И всё это важные сферы диалога и синергии различного знания. Удачные синергетические школы, безусловно, должны развиваться, но не закрывая чистый философский опыт или даже его запрещаая.

В. Философия имеет много функций, одна из которых – осознать смысл самореализации человека, общины, общественности и вместе с тем обозначить, подвергнуть критике, разоблачить пределы человеческих трансформаций. Эксцентрическая, несовершенная природа человека обязывает его постоянно меняться в каком-то направлении, а сами эти направления могут быть признаны истинными, ложными, экспериментальными, случайными, закономерностями и т. д. На стыке социального становления, изменения идентитетов, трансформаций сознания и соответствующих социальных институтов и раскрывается важность функций философии. Однако такая работа на пределе понимания человеческой, социальной сути является рискованным экзистенциальным и поэтому политическим мероприятием.

Непонимание социально-политической ангажированности часто превращает философию в выставку идей в музее всемирной философии. В таком случае она утрачивает свою остроту, становится служанкой идеологий и создаёт вокруг себя гегемонное, чаще всего ложное сознание. Ложное сознание, подменённые формы мышления, служение инструментом социальной инженерии – это следствия неосознания социально-политической функции, своего присутствия в живом актуальном мышлении современного общества.

Григорий Яковлевич Миненков, кандидат философских наук, профессор, декан бакалаврской школы Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва)

А. Так исторически сложилось, что в становлении и развитии Европейского гуманитарного университета как учебного заведения ключевую роль сыграли люди, профессионально связанные именно с философским знанием. Я назвал бы наш университет «философским университетом» в том смысле, что он выступил как культурный и образовательный проект, отвечающий на социокультурные вызовы рубежа XX–XXI столетий. А это потребовало обращения к новым концептуализациям социального мира, к новым моделям мышления, к иной социальной логике, к своеобразным социальным практикам, т. е. обращения ко всему тому, с чем обычно связывается философская проблематизация. Тем более это является важным в сфере социального и гуманитарного знания, которое в последние десятилетия претерпело радикальные изменения, ибо возник совершенно новый социальный мир, что требует, если воспользоваться языком Ульриха Бека, ухода от «зомби-понятий», нового социального воображения. Иными словами, требует самой серьёзной философской работы, хотя, очевидно, тоже нетрадиционной.

Философия сегодня осуществляет активную экспансию в мир социального и гуманитарного знания, при этом радикально меняя свой язык, если она желает быть принятой в этом мире. Когда я читаю работы ведущих социальных теоретиков, аналитиков сете-

вого общества или медийного пространства, то очень часто воспринимаю их именно как философские работы, хотя там мы и встречаем совершенно нетрадиционный для философии язык. И в этом смысле статус философии в моём университете высок, поскольку мы пытаемся формировать у наших студентов не просто узко специальные навыки, но качественно иное мышление, отвечающее реалиям XXI века или общества социальной неопределённости.

Студентам предлагается широкий круг курсов как общегуманитарного, так и специального профиля, философских по своей природе, но ориентированных на новое социальное мышление, новые социальные практики. Это сложно делать, ибо требует инновационных подходов, отсюда множество споров в университете, как и на чём формировать культуру социального мышления студентов. Однако при этом есть общее понимание необходимости подобной работы. А потому при всей критике, которая имеет место со стороны коллег из разных департаментов, я сказал бы, что репутация философии и философов в моём университете весьма высокая. Неслучайно, что работающие в университете профессиональные философы активно вовлечены со своими курсами в специальные образовательные программы бакалаврского и магистерского уровней, в различного рода исследовательские и издательские проекты.

Б. Да, я считаю это необходимым, хотя я использовал бы тут термин «подготовка» как, на мой взгляд, более точный. Частично я об этом уже сказал при ответе на первый вопрос. Я много лет читаю различные философские курсы для студентов, для которых философия не является областью основного образования. И вот вопрос: зачем это им нужно? – всегда меня мучил. Мой опыт показывает, что только тогда тут достигается успех, когда содержание курса так или иначе выходит на специальные интересы студентов и на конкретные социальные практики. Сегодня это становится ещё более важным в связи с изменением самих задач образования. Мир меняется так быстро и так непредсказуемо, что узко специализированная подготовка студентов оказывается всё более бесперспективной. Главным становится фундаментальное образование в определённой области и наделение студентов серией компетенций, которые позволят им хорошо ориентироваться в различных контекстах и решать постоянно возникающие нестандартные задачи и проблемы. И вот здесь роль философского знания в современном его понимании, на мой взгляд, оказывается незаменимой.

Что касается *специального философского образования*, то оно, полагаю, тоже должно существовать, хотя как таковое оно и не является слишком популярным в мире, притом что без него невозможно включение в новейшие социальные практики. Вот такой парадокс. А потому основная проблема – как строить философское образование с тем, чтобы оно было привлекательным и увлекательным. Скорее всего, в единстве с какой-то более узкой областью. Полагаю, что, например, в нашем университете эта про-

блема в значительной мере решается программой «Медиа и коммуникация», которая в рамках университета имеет основательный философский бэкграунд, предлагает студентам серию фактически философских курсов и ориентирована на формирование у них навыков современного социального мышления.

В. Мне кажется, что я уже фактически ответил на этот вопрос, хотя само выражение «социальная функция философии» мне не очень нравится, ибо обычно используется для самооправдания философии: я нужна, я нужна... Философия не должна оправдываться. Она просто должна отвечать на новейшие вызовы на понятном новым поколениям языке. И тогда она будет нужной и необходимой. Опять же меня в этом убеждают исследования в области современной социальной теории, которые в свою очередь обрабатываются конкретными социальными практиками. Например, практиками конструирования собственной идентичности в сети. Можем ли мы тут обойтись без философского прояснения, скажем, нравственных вызовов? Нет, не можем. А это и есть социальная функция философии, на мой взгляд. То же самое можно сказать о диалоге в мультикультурном обществе, да и о многом ещё...

Марина Можейко, доктор философских наук, профессор, проректор по науке Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск, Беларусь)

А. Репутация философов в академической среде была и остаётся высокой. Везде. Удивительно, но факт. :)

Б. Да, подготовка философов как философов имеет смысл. Я сказала бы даже, что если её нет, то без неё ничего в культуре не имеет смысла...

Что касается преподавания философии для нефилософских специальностей, то она нужна, причём не только профильная (методология науки для естественников и т. п.), но именно общеполитическая, чтобы человек понимал, что есть он и мир.

В. Усиление социального значения философии в современных условиях связано, прежде всего, с тем, что возрастает роль собственно гуманитарной сферы в самом социальном процессе, – всё большее воздействие на его скорость, направление и саму сущность оказывают факторы не только экономического, технологического, но и социального, культурного, идеологического характера.

Как известно, человек рождается человеком лишь потенциально: он принадлежит к биологическому виду *homo sapiens*, но обретает статус человека в подлинном смысле этого слова лишь тогда и постольку, когда и поскольку становится социальным существом, что возможно только посредством подключения к культурной традиции. Важнейшим моментом процесса социализации выступает освоение индивидом тех программ деятельности и сценариев поведения, которые приняты в той или иной культурной традиции в качестве типовых. В их основе лежат представления о природе внешнего мира и природе человека, не подвергаемые в

повседневной жизни специальному целенаправленному анализу. Овладевая характерными для того или иного общества программами деятельности с предметами внешнего мира и поведения с другими людьми, ребёнок одновременно с этим (и совершенно не отдавая себе в этом отчёта) осваивает и типовые для соответствующего общества представления о мире, человеке и месте человека в мире. – Именно эти представления (универсалии культуры) и лежат в основе мировоззрения, характерного для носителя той или иной культурной традиции.

В сфере повседневности универсалии культуры не осмысливаются с достаточной ясностью. По мере развития теоретического познания человек подвергает собственный стиль мышления рефлексивному осмыслению, осмысливает глубинные мировоззренческие основания своего мышления.

Экспликация мировоззренческих оснований культуры, в ходе которой они очищаются от чувственно-эмоциональных аспектов своего содержания, их предельная рационализация приводят в итоге к оформлению на их основе категорий философии. Таким образом, содержание философских категорий в своей совокупности выражает глубинное содержание фундаментальных мировоззренческих оснований соответствующей культуры. В силу этих обстоятельств философия выполняет в социальном контексте две важнейшие функции, значимость которых для исторического процесса позволяет говорить о социальной миссии философии в общественном развитии. Прежде всего, речь идёт о такой функции философии, как *осмысление содержания глубинных мировоззренческих универсалий культуры*, – их выявление позволяет философии описать характерные для национальной культуры архетипы мышления и системы тех ценностей и оценок, которые лежат в основании соответствующего стиля мышления, задавая базисные структуры национального менталитета. Подобная работа, которую осуществляет философия, оказывается существенно важной для общества в те периоды истории, когда на передний план выдвигается задача формирования национального самосознания, идеологии, опирающейся на традиционные системы ценностей данного народа – как национального, так и общечеловеческого характера.

Вторая важнейшая функция философии в трансформационном обществе связана с тем, что, сформировав на основе экспликации фундаментальных оснований мировоззрения свой категориальный аппарат, философия оказывается способной к выполнению особой культурной задачи, а именно – к *выработке* (путём работы в понятийном пространстве) *новых версий сопряжения между собой универсалий мировоззрения*. Подобная работа позволяет создавать новые модели организации культурного пространства, целенаправленно формировать новые традиции на основании переосмысления наличного материала культуры.

Виктор Молчанов, доктор философских наук, профессор философии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия)

А. Высокий статус философии. С самого начала существования Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, 1991) создание философского факультета (1992) рассматривалось как одна из важнейших задач. Философская проблематика интересует в нашем университете учёных разных специальностей: историков, лингвистов, культурологов и др.

Б. Да, для всех, причём преподавание должно не только учитывать специфику факультета, что само собой разумеется, но и определённую социальную ситуацию. Например, кризисное состояние общества требует осмысления. В связи с этим следовало бы познакомить студентов с различными теориями кризисов. История философии не должна преподаваться хронологически, она должна сочетаться с современной социальной философией в широком смысле. Особенно там, где не преподаются отдельно социология и политология.

В современной ситуации для выпускника философского факультета лучше было бы иметь ещё одну гуманитарную специальность, скажем социологию, историю искусств, юриспруденцию и т. д.

В. Ответ настолько очевиден, что может вызывать сомнение только у обывателей и чиновников, которые хотят сэкономить на философии как дисциплине, с помощью которой нельзя строить дома, разрабатывать месторождения нефти и газа и т. д.

Философия, частные науки, искусство и религия составляют смысловую основу общества. Если искусственно понизить роль одного из «компонентов» этой основы, будут деформироваться и остальные. Как это происходит? Для того чтобы ответить на этот вопрос, как раз нужны философские исследования. Философия не только «ничья земля» между наукой и религией, как полагал Бертран Рассел, но и область равновесия между наукой, религией и искусством.

Не будет лишним вспомнить и о том, что творцы современной науки обладали, как правило, широким гуманитарным и философским образованием. В философии решается, что является истинным или ложным с ту или иную эпоху. Для того чтобы построить дом, непосредственно нужна не философия. Но чтобы принять решение, какого типа дома и города нужно строить, разрабатывать месторождения или развивать собственную промышленность и т. д., без философии не обойтись. Только одно условие: она должна быть грамотной, а для этого необходимо, чтобы любое высшее образование имело в качестве фона философское образование, хотя бы в качестве первичного знакомства.

Игорь Неважжай, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Российская Федерация)

А. Я работаю в Саратовской государственной юридической академии с 1979 года. Мои ответы основаны на опыте преподавания философских дисциплин в этом вузе. Предмет «философия» в гуманитарном юридическом вузе традиционно признаётся представителями базовых теоретических дисциплин, таких как теория права и государства, гражданское и уголовное право, конституционное право, в качестве необходимого в системе юридического образования. Частично это связано с традицией, сформированной эпохой марксизма. С другой стороны, весь комплекс юридических дисциплин имеет отношение к человеческому миру, в котором юридически значимыми являются поступки, эмоции, волевое и интеллектуальное начало в жизни людей. Всякая теория права и государства является своеобразным ответом на вопрос о том, что такое человек и общество. С этой точки зрения философская компонента органично входит в систему юридического образования.

На вопрос *о ситуации с преподаванием философии* в нашем вузе кратко ответить можно одним словом: приемлемая. Новый образовательный стандарт высшего профессионального образования по юридическим специальностям в целом расширил сферу компетенций, которая «покрывается» общегуманитарными дисциплинами. Так, в качестве обязательных в нашем вузе принят следующий перечень дисциплин с философским содержанием: логика, концепции современного естествознания, профессиональная этика, культурология и философия. Хотя объём аудиторных часов по дисциплине «философия» сократился, но он компенсировался за счёт этики.

Преподавание философских дисциплин ведётся непрерывно в течение первых двух лет бакалавриата, затем продолжается в магистратуре в течение первого года обучения в виде «философии права» и сопряжённых с ним факультативов. Наконец, кафедра философии обеспечивает общеправовую и методологическую подготовку аспирантов и соискателей, ведя преподавание «истории и методологии научной работы» и «истории и философии науки». При такой ситуации сетовать на недостаточное внимание юридического вуза к циклу философских дисциплин нельзя.

Что касается *репутации*, то она, если коротко, разная. Сохраняется традиционный скепсис «спецов» к общегуманитарным дисциплинам как «научнообразной, но бесплодной болтовне». В то же время репутация философов в среде вуза зависит не столько от статуса философии, сколько от авторитета самих философов внутри вуза. Здесь традиционно для российского менталитета играет роль «признание» за пределами России (или даже вуза). Если философы демонстрируют свою активность и продуктивность в научной деятельности, которая признаётся в кругах, находящихся за пределами региона и самой дисциплины философии, это вызывает положи-

тельную реакцию сообщества специалистов. Они ведь оценивают своих вузовских «философов» не напрямую, а косвенно, через признание со стороны других коллег – как отечественных, так и зарубежных. Для повышения репутации большое значение имеет реализация совместных со специалистами-юристами проектов конференций, семинаров, тематических сборников, исследовательских грантов.

Б. Мой личный опыт преподавания свидетельствует о том, что философское образование необходимо для студентов всех специальностей. Для «естественников» он полезен, для «гуманитариев» – необходим. Из множества аргументов «за» приведу, как мне кажется, главный аргумент. Если одной из задач образования является понимание, то конкретно научные знания могут быть поняты только при наличии контекста. Согласно семантической концепции понимания, смысл какого-либо текста выявляется тогда, когда данный текст рассматривается как часть некоторого контекста. Философия как система знания о всеобщем предоставляет такой контекст.

Имеет ли смысл готовить *специалистов отдельно (исключительно) по философии*? Трудный вопрос. Общезначимого и универсального ответа дать нельзя. Выскажу своё весьма субъективное мнение. *Во-первых*, необходима профессиональная подготовка по истории философии. Нет такого специалиста, который согласно диплому называется «философ». Можно говорить о знатоке истории философской мысли. *Во-вторых*, что касается философов, работающих над отдельными темами и проблемами онтологии, теории познания, философии сознания, философии языка и т. п., то они в основном приходят из конкретных наук. Поэтому подготовка таких специалистов должна вестись на философских кафедрах соответствующих факультетов (которых пока нет). Например, на математическом (или юридическом) факультете существует кафедра философии математики (философии права), которая обеспечивает возможность подготовки отдельных студентов-математиков (юристов) для работы в области философии математики (философии права). Прошлый опыт подготовки из числа «чистых» философов специалистов в области философии математики (или философии права) показал непродуктивность такого пути. Но такой проект утопичен в силу укоренённых в сознании представителей конкретных наук предрассудков.

«Если бы я был директором», то предложил бы при университетах создать факультет истории культуры, частью которого является современный исторический факультет. На факультете истории культуры изучалась бы история гражданской жизни, институтов и идей. Философия могла бы изучаться на соответствующем отделении. Но, к сожалению, в обществе в целом и у властей в частности нет интереса к постижению истории культуры.

В. Философия есть способ понимания другого и поэтому способ избавления от мировоззренческого аутизма. Конкретные науки на-

целены на практическое применение знания в смысле конструирования реальности (техника, социум). Изучение конкретно-научных знаний не даёт только одного: возможности понять другого, встать на его точку зрения. Мировоззренческий плюрализм, который мы находим в философии, есть не недостаток, а несомненное достоинство философии. Изучая историю философии и многообразие философских учений, мы имеем возможность и оказываемся перед необходимостью эмпатии. Учиться мыслить «иначе», мыслить не «за другого», а «как другой», есть условие продуктивного человеческого сожительства. Изъятие философии из системы образования есть практический шаг в сторону создания новой нормы из социальной патологии общественного ума, сходного с такой патологией, как аутизм. Это шаг к духовному распаду общества.

Сергей Пролеев, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Украины имени Григория Сковороды, профессор Киево-Могилянской академии (г. Киев, Украина)

А. Статус философии в Киево-Могилянской академии можно оценить как значимый. Это связано, *во-первых*, с особо активной ролью философов в возрождении *Могилянки* в начале 1990-х, *во-вторых*, с преобладающей гуманитарной направленностью университета и, *в-третьих*, с профессионально сильным и стабильным коллективом кафедры философии и религиоведения, играющей в структуре университета не последнюю роль. Ситуация с преподаванием философии претерпевает на себе все катаклизмы и трансформации, которые в последние годы характерны для изменений в университетском образовании вообще. Это и возрастание должностной нагрузки с одновременным сокращением общего количества часов по предметам, и увеличение бюрократической отчётности, и т. п. В Украине тенденция сокращения удельного веса философских дисциплин в общей структуре образования является постоянной для последних 20 лет.

Что касается *репутации философии*, то в целом отношение к ней уважительное. Хотя по большей части и отстранённое: философию мало знают, мало понимают и мало ею пользуются. Однако в конкретных случаях всё решает впечатление от преподавания. Основные проблемы здесь связаны не столько с самой философией, сколько с общими недостатками университетской жизни – недостаточными коммуникацией и сотрудничеством внутри преподавательско-студенческого сообщества (это всё ещё «две нации»), отсутствием или неразвитостью программ научных исследований, в которые вовлекались бы студенты и посредством участия в которых приобретались важнейшие качества университетской образованности, фактическим отсутствием внеаудиторной коммуникации (студенты – преподаватель), связанной с философией, и т. п.

Б. Разумеется, тот вклад, который философия способна внести в общую образованность, в способность мышления и восприятие

действительности, ничто не может заменить. Всё-таки это неустранимый элемент европейской культуры, причём один из ключевых. Хотя, разумеется, для той или иной «специальности», понимаемой сугубо как техника, философия практически не нужна. Но ведь университет – не техникум, и решает он отнюдь не сугубо ремесленные задачи «профессии». Любая профессия, кстати, в полноте своей действенности и развития является слишком сложным социокультурным и интеллектуальным комплексом, чтобы возможно было свести её к сумме навыков и специальных знаний.

Речь не идёт о том, чтобы физика или биолога «образовывать» в философии. Философия важна как реальная история (и результат) развития человеческого мышления и культурного самоопределения человека.

Последний вопрос не совсем ясен: разумеется, знание философии является самостоятельной профессией, которой нужно обучаться, как и любой другой. Иной вопрос, что само дело философии не совпадает с «философологией», и быть специалистом по философии ещё не значит быть философом в собственном смысле слова. Специалист по философии – такой же учёный, как и представитель любой другой науки.

В. Философия призвана обеспечивать и воспроизводить открытость мышления; она аккумулирует в себе наработанный культурой опыт адогматичности, осуществляет критику культурных очевидностей, проблематизирует их. Вторая важнейшая задача – служить «школой разума»: сохранять и развивать дисциплину строгого мышления, обеспечивать позицию рациональности в обществе в противовес действию аффектов, способствовать культурной и социальной автономии разума. Наконец, не менее важным является открытие и освоение новых возможностей понимания, вообще эвристическая функция философии. Каждая из таких возможностей обнаруживает новую перспективу развития для человека и общества.

Николай Семёнов, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Института теологии имени святых Кирилла и Мефодия при Белгосуниверситете (г. Минск, Беларусь)

А. В таком специфическом и единственном в республике институте, как институт теологии, статус философии достаточно двусмыслен. Можно обозначить как минимум три момента в этой связи. *Во-первых*, богословие (которое, как говорил Карл Барт, в некотором смысле «идёт по краю пропасти») нуждается в философии, её методах и техниках анализа; в то же время богословие бросает вызов философии, подводя её к пределам мыслимого. *Во-вторых*, если ещё Фома Аквинский учил о гармонии веры и разума, то всё же это очень напряжённая и внутренне противоречивая гармония, поскольку философия всё-таки из акта радикального сомнения, она связана с работой критической рефлексии, тогда как догматическое богословие основывается на авторитете *Священного Писания* и *Священного Предания*, на доверии к истине *Откровения*,

и её ключевые догматы не могут быть обоснованы рационально (что отнюдь не делает их с необходимостью иррациональными). *В-третьих*, сама философия сегодня претерпела радикальную трансформацию, в силу которой мы должны расстаться (если ещё не расстались) с нарциссическим образом философии. Существует мнение, согласно которому сегодня философия вообще не регистрируется через традиционный и привычный для нас доступ к её привилегированным представителям. Но это отдельная тема, и я не хочу сейчас её подробно рассматривать.

О ситуации с преподаванием философии. Как утверждал замечательный русский философ С.И. Гессен, главная задача учителя – мыслить в классе, мыслить, побуждая мыслить и своих учеников, то есть создавать пространство со-мышления. Сегодня это утрачивается. Философия есть «дело мышления», и оно понимается всё хуже, всё более плоско и вульгарно. Сам процесс преподавания всё более формализуется, всё меньше места и возможностей остаётся для импровизации; выхолащенные программы не оставляют места для непредвиденного и незапланированного движения мысли. Кратко: всё меньше творчества, всё больше процеженной и специально упакованной информации; важно не мыслить, а знать, причём знать именно подобранное и дозированное.

Что же касается **репутации философии и философов**, то она весьма невысока. Подчас неудобно признаваться, что ты – «философ». Собственно, а почему она должна быть высока? Разве мы производим то, что можно было бы назвать конвертируемыми текстами? Индекс цитирования белорусских философов за рубежом практически равен нулю. Философы никому не интересны, они пишут сами для себя. Министерские программы по философии убоги, ничего свежего и оригинального.

Б. Да, я считаю, необходим тщательно проработанный, но при этом живой общий курс философии с акцентом на ключевые проблемы философии и техники философского анализа. Без этого умственный горизонт студентов будет сужен. И что говорить о культурном уровне человека, которому неведомы ни Платон, ни Кант, ни Хайдеггер.

Что должно представлять собой философское образование в нашей высшей школе... Это, я думаю, определяется тем, что такое университет. Нам необходимо правильное понимание того, что такое университет вообще, то есть необходима идея университета; что такое современный университет, каково его место в интеллектуальном и социальном мирах, что он может и должен, а что не должен делать, к чему призван готовить молодых людей. Лично я полагаю, что университет призван готовить человека к жизни в гораздо более широком горизонте, чем только горизонт специальной профессиональной компетенции, которая, разумеется, чрезвычайно важна. Сопряжение того и другого позволяет появиться фигуре настоящего исследователя. Следовательно, университет – это также и творческая лаборатория. Но это и политический центр.

Это и некое мегаядро сети социальных отношений – университет ведь изначально был свободной корпорацией студентов и преподавателей. Памятуя о том, что философия есть (всё ещё есть?) любовь к мудрости и философский факультет всегда присутствовал в университете, последний имеет будущее, если только в нём культивируется дух товарищеской любви, если в нём свершается дело мышления и продвигается работа понимания. Это как минимум – и этим, по-моему, определяется то, каким должно быть философское образование.

Вряд ли сегодня нужна подготовка специалистов исключительно по философии. Ибо сегодня в рамках междисциплинарных исследований философия взаимодействует с целым рядом различных дисциплин. Чисто академическая философия мало кому интересна, большей частью она интеллектуально импотентна. Что, к примеру, производит наш институт философии? Но если говорить об аспирантуре, то мой ответ будет «да»; однако здесь должен быть очень жёсткий отбор, отбор немногих, ибо настоящая интеллектуальная элита (которую прежде всего должны отличать интеллектуальная честность и ответственность) должна быть немногочисленной по определению. Кроме того, тут необходима основательная школа, поскольку в своё время мы не прошли должных штудий – штудий того же Платона, Канта, Гегеля, Гуссерля, Витгенштейна, Хайдеггера и т. д. Нам необходимо навёрстывать (в смысле школы) и одновременно пробуждать собственное творческое воображение.

В. Отвечу словами Поля Рикёра. Он говорил о трёх задачах философии: способствовать повышению уровня общественных дискуссий (где-то он писал: «Философия должна выработать эталон корректной дискуссии, ведущей к успешному разрешению наших общих проблем»); она также несёт ответственность за качество аргументации и точность политического языка; и она должна показывать пример толерантности, свободы слова, плюрализма идей и мнений. Уточним: *tolerantia* – это просто предоставление другому возможности высказаться. (В этом смысле, где у нас эта самая *tolerantia*?)

Елена Трубина, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Статус – понятие, неразрывное с иерархией, а иерархия дисциплин и областей знания – в последнее время неприкрыто неолиберальная: то, что сулит увеличение прибылей, поддерживается, то, что с прибылью никак не связано, в лучшем случае игнорируется.

Философский факультет/департамент приспособливается к тому, что студентов стало меньше (меньше бюджетных мест и меньше желающих поступать), а также к тому, что студенты стали «проще»: на части поступивших родители и школа не оставили заметного культурного отпечатка. Понятно, что изменившаяся

публика требует отказа от ряда стереотипов, пересмотра уровня сложности преподаваемого материала, поиска интересных ответов на вопрос, который неслышно, но упорно повисает на каждом занятии: «Зачем мне ЭТО?» Интересный ответ может состоять и в игре с принципиальной неутилитарностью предлагаемого материала: «Есть вещи, на которых мы сосредоточиваемся ради них самих...» Но похоже, что поступает всё меньше студентов, которых можно этим заинтриговать.

О репутации философов и философии. «Чистые» философы, преданные делу, пишущие книги, заслуженно уважаемы. Студенты и магистранты понимают, что есть такой опыт прочтения текстов и рождения мысли, в который их может погрузить человек, продолжающий заниматься философией профессионально.

Б. Философские курсы, пройденные в первые университетские годы, никому ещё не повредили: на занятиях ребята слышат то, что делает более объёмным их представления о том, каким может быть знание и для чего оно может быть употреблено.

Как философское образование должно быть переформатировано – вопрос большой и сложный. Вот какие тенденции стоит здесь учесть. *Во-первых*, это грустная судьба больших и сложных текстов. Львиная доля рабочего и личного времени преподавателей уходит на (1) самоменеджмент (заявки на гранты, профессиональная коммуникация и пр.) и (2) поддержание на плаву своих подразделений и вузов (заявки на гранты, профессиональная коммуникация, а в России ещё и полное сумасшествие с подгонкой учебных программ под дурно сделанные стандарты и тем самым оправдание существования всё разрастающейся армии бюрократов). Я не знаю, как коллеги выкручиваются, но я живу текстами, проработанными в прошлом и прочитанными летом, а к занятиям читаю урывками и небольшие объёмы. Понимаю, что об этом не принято говорить, так как мы все находимся под давлением представлений об образе жизни профессионала-гуманитария, но об этом стоит говорить. Не забавно ли, что время неспешного чтения с усилием приходится выкраивать, оно не вмещается в профессиональную рутину, что рождает некоторые грустные мысли – у тех, кто, бывало, читал гораздо больше и в целом принадлежит к культуре читателей. Не получается ли, что стереотипы последней некритически транслируются в процессе преподавания, выражаясь, к примеру, в количестве страниц, которые студенты (теоретически) должны проработать каждую неделю? Эти ожидания адресуются публике, у которой опыта чтения толстых книг вообще нет, кроме, может быть, *Гарри Поттера*. Я говорю о первокурсниках, у которых за плечами три урока литературы в неделю. Вчерашние школьники, шанс которых приобщиться к чтению больших и сложных текстов был не до конца использован, потому что «часы» на преподавание гуманитарных предметов в школе всё сокращаются, попадают в руки тех, которые сами не читают систематически в больших объёмах. Мне кажется, надо настойчивее продумывать, как, не предавая сути философии,

знакомить с ней через те или другие фрагменты. Подчеркну, что я говорю прежде всего о преподавании философии помимо специализированных факультетов.

Во-вторых, может быть, стоит создать форумы либо сообщества, в рамках которых обсудить феномен философии в период затянувшегося кризиса. В этом смысле меня удивил прошедший в апреле 2012 *круглый стол* в МГУ, посвящённый выпуску журнала *Логос* об античной философии. Он был объявлен как собрание, предназначенное для обсуждения возможности актуализовать античную философию, и я, признаться, ожидала речей о том, какие преподавательские стратегии родились в последнее время, чтобы интерес к этому пласту мысли хотя бы поддерживать. Нет, весь разговор был о том, как же всё-таки понять друг друга философам и филологам в их притязаниях на верное понимание античной мысли – как если бы и у тех и других всё было в порядке с аудиторией, возможностью публиковаться и чувством социальной признанности. Я согласна с присутствовавшим там Виталием Куренным, выступившим, как он выразился, в качестве «начальника транспортного цеха»: надо больше усилий прилагать по соединению профессиональных стереотипов, амбиций, интересов и реалий высшей школы.

Вряд ли имеет смысл *подготовка специалистов отдельно (исключительно) по философии*. Если и имеет, то в маркетинговой политике наших образовательных услуг надо учитывать, что ни на издательском, ни на преподавательском рынках философов не ждут, что человек, любящий философию, будет зарабатывать на жизнь чем-то иным. Дело даже не только в том, что общество вышло на какой-то новый виток переосмысления полезности гуманитаристики, но и в том, что философия как профессия уже не воспроизводится повсеместно. Это долгий разговор, здесь сошлюсь только на индексы цитирования: <http://www.timeshighereducation.co.uk/story.asp?storyCode=405956&sectioncode=26>. Или с индексами что-то не так, или с философией, но если судить по этому ресурсу, только два ныне живущих философа – Юрген Хабермас и Джудит Батлер – вошли в перечень самых цитируемых авторов современности (представляющих социальное и гуманитарное знание).

Мне кажется, при всём социальном давлении, испытываемом разными факультетами и дисциплинами, нужно собираться вместе тем людям, которые дорожат сложными текстами (широко понимаемыми) и теми опытом и удовольствием, которые они дают. Этот опыт – прежде всего эстетический, и он далеко не всегда должен быть переформулирован на обобщённом формальном языке. Эти люди должны быть готовы пожертвовать важностью контекста либо истории, которые преобладают в преподавании и в производстве текстов, ради того чтобы создавать возможность рождения мысли от первого лица и не топить это движение в доксе, в «кто сказал, что, где и когда». Эта мысль от первого лица теснее связана с фронезисом и самопониманием, так что, по-моему, не надо сму-

щаться той перспективой, что наше и наших подопечных письмо и чтение станут более «наивными»...

В. *Социальная функция философии* состоит в напоминании о том, что какую бы позицию ты ни занимал, ты что-то приобретаешь и что-то теряешь, если претендуешь хотя бы на минимум последовательности, о том, что нет смысла быть просто критичным и просто рефлексирующим, а стоит пытаться формулировать аргументы, с которыми можно работать (и на которые можно ответить контраргументами). Она состоит в совместном с людьми рассуждении о том, что может быть помыслено и сделано в пределах данного, о том, почему данное таково, каково оно есть, и как оно может быть изменено.